

Научная статья

УДК 340.1

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).54-66

EDN PHENEF

Интересы в конституционном праве Российской Федерации и интересы конституционно-правового регулирования: эстологическое исследование

Алексей Владимирович Юрковский*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Россия**avjurkovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-8965>***Елена Леонидовна Иванова***Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Россия**lenai@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2733-150X>*

АННОТАЦИЯ

В публикации рассматриваются элементы теории интересов в праве и интересов правового регулирования в контексте тенденций развития действующего конституционного права Российской Федерации, формирования национального механизма правового регулирования и механизма государственной власти. В материалах предлагаемого исследования фигурируют эмпирические данные, сформированные в результате применения новейшей авторской методики и технологии исследования (эстологическое исследование в аксиологии механизма конституционно-правового регулирования и механизма государственной власти). В ходе исследования осуществлялся сбор аутентичных документов (источников права, актов толкования права, актов реализации и применения права) Российской Федерации и применялся выборочный подход к поиску и подтверждению признаков интересов (личных, политических и интересов правового регулирования), которые отображают свое присутствие в нормах позитивного конституционного права Российской Федерации и иных юридических документах. Интересы в конституционном праве Российской Федерации выделяются по таким ключевым параметрам, как субъекты их обладания и объекты их направленности. Одновременно познанию подвергаются закономерности существования интересов конституционного права как социального феномена и интересов конституционно-правового регулирования в Российской Федерации, которые имманентно связаны с формированием и функционированием механизма государственной власти в России. Эстологическое исследование затрагивает формы и содержание конституционного права Российской Федерации, его юридико-технические особенности. В результате проведенного исследования обнаруживается присутствие феноменологии интересов конституционно-правового и общеправового регулирования. Подтверждается гипотеза о том, что интересы правового регулирования отличаются от политических интересов субъектов конституционного права. Признаки интересов в механизмах правового регулирования и государственной власти в Российской Федерации соответствуют основным признакам позитивного права и признакам механизма российской государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

эстологическое исследование, механизм правового регулирования, ценность, интерес, субъект конституционно-правовых отношений, объекты интересов конституционно-правового регулирования, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Юрковский А.В., Иванова Е.Л. Интересы в конституционном праве Российской Федерации и интересы конституционно-правового регулирования: эстологическое исследование // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 1. С. 54–66. DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).54-66. EDN PHENEF

Original article

Interests in the constitutional law of the Russian Federation and interests of constitutional and legal regulation: an estological research

Alexey V. Yurkovsky*Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia
avyurkovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-8965>***Elena L. Ivanova***Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia
lenai@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2733-150X>***ABSTRACT**

The publication examines the trends in the development of the current constitutional law of the Russian Federation, the formation of a national mechanism of legal regulation and the mechanism of state power. The materials of the proposed study include empirical data formed as a result of the application of the latest author's methodology and research technology (estological analysis in the axiology of the mechanism of constitutional and legal regulation and the mechanism of state power). The study collected authentic documents (sources of law, acts of interpretation of law, acts of realization and application of law) of the Russian Federation and applied a selective approach to the search and confirmation of signs of interests (personal, political and interests of legal regulation) that reflect their presence in the norms of positive constitutional law of the Russian Federation and other legal documents. Interests in the constitutional law of the Russian Federation are distinguished with such key parameters as the subjects of their possession and the objects of their orientation. At the same time, the regularities of the existence of the interests of constitutional law as a social phenomenon and the interests of constitutional and legal regulation in the Russian Federation, which are inherently related to the formation and functioning of the mechanism of state power in the relevant country, are being studied. The estological research concerns the forms and contents of the constitutional law of the Russian Federation, its legal and technical features. As a result of the conducted research, the presence of a phenomenology of interests of constitutional, legal and general legal regulation is revealed. The hypothesis that the interests of legal regulation differ from the political interests of subjects of constitutional law is confirmed. The signs of interests in the mechanisms of legal regulation and state power in the Russian Federation correspond to the main signs of positive law and the signs of the mechanism of state power of the Russian Federation.

KEYWORDS

estological research, mechanism of legal regulation, value, interest, subject of constitutional and legal relations, objects of interests of constitutional and legal regulation, the Russian Federation

FOR CITATION

Yurkovsky A.V., Ivanova E.L. Interests in the constitutional law of the Russian Federation and interests of constitutional and legal regulation: an estological research. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(1):54–66. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).54–66. EDN PHENEF

Введение

Эстологическое исследование механизмов правового регулирования и государственной власти Российской Федерации (как частная научная методика, являющаяся разновидностью аксиологического познавательного инструментария) предполагает поиск первичных субъективных интересов участников общественных отношений, проходящих трансформацию в политические интересы, интересы субъектов права, внедряемые через политические процессы в механизм правового регулирования, фиксируемые в источниках позитивного конституционного права, актах официального и доктринального толкования соответствующих источников, актов реализации и применения права Российской Федерации.

Функционирование механизма правового регулирования есть сложнейший многоэтапный процесс, в воплощение которого интегрирован еще один, не менее сложный, — механизм государственной власти. Впрочем, описание естественной феноменологии интересов участников социальных отношений, их политической и правовой деформации не является прямой задачей предлагаемой публикации, как и характеристика признаков механизмов государственной власти и правового регулирования. В задачи публикации также не входит описание признаков механизмов государственной власти и правового регулирования.

Предлагаемый нами подход связан с гипотезой о том, что естественная природа интересов

человека, социальный характер связей между людьми обуславливают возникновение универсальной потребности у любого потенциального участника общественных отношений в их упорядоченности, что, в свою очередь, предопределяет особый вид социальной феноменологии формирования групповых социальных интересов, которые не имеют политических свойств, являются универсальными и обретают свойства инструментов правового регулирования. Данные инструменты связаны с людьми, их волей и сознанием, они вызваны неполитическими потребностями в установлении порядка (содержание которого зависит от реальных раскладов политических сил в определенный исторический период).

Объединяя индивидуальные естественные интересы участников социальных отношений, предполагающие установление стабильного порядка и устойчивой, допускаемой большинством участников политических отношений, системы ценностей, мы сталкиваемся с феноменологией коллективной социальной работы, результатами которой является фактическое формирование и реальное функционирование механизмов государственной власти и правового регулирования.

Если использовать терминологию кибернетического метода, то интересы отдельных людей, носящие универсальный характер, выполняют роль своеобразных программ (драйверов), с помощью чего формируются такие социальные закономерности, обладающие свойствами операционных систем, которые придают импульсы политическим процессам и (или) отношениям.

Через политическую борьбу люди получают доступ к аппаратному обеспечению своих (как универсальных, так и субъективных политических) интересов посредством использования создаваемых ими же механизмов правового регулирования и государственной власти, которые выполняют роль аппаратных средств, универсально позволяющих реализовывать любые субъективные политические интересы (при наличии воли доминирующей в политических отношениях группы лиц).

Представленная тема и подход к ее рассмотрению обладают научной актуальностью и могут иметь значение для науки теории государства и права, общего конституционного права, других публично-правовых, а также гуманитарных наук.

Помимо эстологического метода, в исследовании используется методический инструментарий кибернетических исследований (в частности, метод контент-анализа), необходимый

для поиска и обнаружения в текстах Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций субъектов Российской Федерации, других источников права и актов толкования и применения права, интересующего исследователей эмпирического материала.

Полагаем, что современное состояние конституционно-правового регулирования в Российской Федерации является одним из этапов эволюции правового регулирования, поэтому для понимания причин и условий формирования текущих интересов механизма правового регулирования и интересов субъектов действующего конституционного права необходимо с применением исторических методов дать оценку детерминант их возникновения.

Мониторинг текстов источников конституционного права предполагает выявление и констатацию регламентированных интересов субъектов права, которые фигурируют в исследуемых текстах, а также по поводу чего соответствующие субъекты проявляют заинтересованность в актуализации обстоятельств социальной действительности, которые вызывают особое, повышенное, внимание и воспринимаются как осознаваемые потребности либо нужды субъектов политического взаимодействия, способных проявлять волю и необходимую силу для воплощения в жизнь предполагаемых результатов, прогнозируемых обстоятельств.

Результаты исследования

Полагаем возможным предположить, что каждый человек обладает уникальными, собственными интересами, которые, в свою очередь, имеют признаки естественного права. Это означает, что интересы (не их конкретное проявление, содержание, а их присутствие, данность) неразрывно связаны с человеком, и их наличие не связано с его волей и сознанием. Человек способен при помощи воли и сознания повлиять на содержание интересов, но не способен отказаться от их существования (присутствия).

Как известно, человеческое существование и развитие возможны лишь во взаимодействии с другими людьми, каждый из которых обладает интересами, причем содержание интересов каждого конкретного человека уникально.

Уникальность индивидуальных качеств в процессе взаимодействия порождает противоречия между людьми. Противоречие интересов влечет за собой борьбу за приоритет собственных интересов над интересами других людей.

Множественность интересов, кратная количеству людей, порождает хаос и беспорядок. Другими словами, попытка каждого обладателя интересов без оглядки на интересы других участников общественных отношений неминуемо приведет к противостоянию всех против всех.

Данная проблема автоматически становится понятной каждому из участников интенсивных социальных отношений и приводит к пониманию закономерности установления порядка. Решение задачи согласования, координации интересов различными методами воздействия на социальные отношения имеет самостоятельное значение и приводит к необходимости оценки интересов, их места и роли в формировании и функционировании механизмов государственной власти и правового регулирования.

По нашему мнению, проблема понимания порядка двуедина.

Во-первых, каждый из носителей интересов понимает порядок субъективно и пытается лоббировать собственное понимание порядка в собственных интересах. Для утверждения собственных интересов в парадигме социального взаимодействия люди вынуждены вступать в политические отношения и создавать принципы и инструменты социального взаимодействия. Наиболее серьезными абстрактными формами, результатами политического противостояния интересов отдельных людей и их социальных групп являются государство (как в широком, так и в узком смыслах своего проявления) и позитивное право.

Во-вторых, несмотря на субъективные различия, акторы (активные участники) общественно-политических отношений сходятся в понимании потребности в порядке. Тем самым порядок, способы его установления, критерии оценки последствий и многое другое, что включается в современное понятие правового регулирования, становятся самостоятельным процессом, а после — обретают собственные интересы.

Вопрос о том, как именно такие абстрактные, но тем не менее факты объективной реальности, социальные закономерности как механизмы правового регулирования, вне влияния на них раскладов политических сил, обретают универсальные характеристики и тем более самостоятельные интересы, нами не рассматривается. Данное исследование представляет собой лишь попытку привлечения эмпирического материала, а также аргументов в пользу ранее высказанной гипотезы.

В предлагаемой публикации речь идет о генезисе интересов отдельных активных участников общественно-политических отношений в России, которые многообразно и по-разному выкристаллизовывались в зависимости от существа раскладов общественно-политических сил, внедрялись в материю позитивного права, переставая быть политическими интересами и обретая свойства интересов субъектов права. Очевидно, что регламентированные в праве интересы не всегда отражают интересы возможных участников политических отношений.

По нашему мнению, следует также вести речь о генезисе таких интересов, являющихся гипертрофированным и концентрированным до степени абстракции проявлением естественной природы интересов, которые в данном случае являются уже не индивидуальными, а коллективными, проявляясь в фактах объективного существования механизмов правового регулирования и государственной власти, а также в способности воздействовать на эту действительность и менять ее.

Генезис интересов субъектов конституционного права и интересов конституционно правового регулирования. Продолжая обосновывать гипотезу об естественно-правовой природе индивидуальных интересов, выскажем мысль о том, что интерес(ы) сам по себе не связан с цивилизационными факторами и тем более с государственно-организованной формой существования человеческого общества. Интересы у человека существовали все время, начиная с его появления как эволюционного вида живой материи.

Применительно к заявленному исследованию необходимо вести речь не столько о природе интересов, сколько о трансформации естественных интересов в интересы субъектов права и интересы правового регулирования.

По нашему мнению, эволюция интересов субъектов позитивного права неразрывно связана с появлением самой российской государственности и проявлением признаков функционирования механизмов как государственной власти, так и правового регулирования.

Опять же самостоятельным, нуждающимся в отдельном рассмотрении, нам видится вопрос, целесообразно ли вести речь о том геополитическом пространстве, которым является современная Россия в целом, либо следует говорить об индивидуальном суммарном развитии тех участков территории, которые в различные исторические периоды изначально не были интегрированы в геополитическое пространство современной

России и поэтому должны исследоваться в рамках истории зарубежных стран.

Также нуждается в отдельном рассмотрении вопрос понимания конституционализма и, как факт, утилитарно, констатации интересов субъектов конституционного права и интересов конституционно-правового регулирования в России. Отдельные суждения по этим проблемам ранее высказывались одним из авторов. В рамках же настоящей статьи считаем необходимым повторить, что авторы исходят из видения конституционализма как абстрактного явления, имманентно устоявшегося в системе правового регулирования и государственного управления, и поэтому возможно вести речь об интересах субъектов конституционного права, начиная с самых ранних этапов существования государственности.

История формирования интересов субъектов конституционного права, как и эволюция интересов конституционно-правового регулирования, может быть условно разделена на три ключевых этапа: имперский, советский и современный.

Эстонологический инструментарий позволяет пересматривать накопленные юридической наукой доктринальные источники, обнаруживать в них проявление как индивидуальных интересов авторов, которые высказывают собственное субъективное мнение, так и обоснование (либо критику) признаков интересов современных авторов субъектов права, а также их интуитивное ощущение признаков интересов правового регулирования.

Исторический, аксиологический и эстонологический инструментарий, используемый в ходе исследования практики правового регулирования в России применительно к имперскому, советскому и современному этапам эволюции сформированных систем правового регулирования, выявляет присутствие и подтверждает наличие плюрализма индивидуальных интересов отдельно взятых участников общественных отношений, наличие противоречий этих интересов, обретающих политический характер, наличие борьбы за провозглашение и укрепление определенных интересов в качестве общеобязательных для всех остальных, борьбы политических сил за обретение рычагов государственной власти и правового регулирования.

Формирование интересов субъектов права не умаляет существование оппозиционных им политических, социальных либо индивидуальных интересов.

Во всех срезах российской религиоведческой, социологической, политической и юри-

дической науки, на всех этапах ее существования выявляются прямые либо иносказательные ссылки на интересы акторов политических и правовых отношений.

Отличия интересов доктринальных подходов чаще всего являются самостоятельным основанием их классификации. Например, применительно к имперскому периоду существования российской государственности четко разделялись западнические и славянофильские, консервативные и либеральные, про- и антимонархические проявления интересов.

Отметим, что в работах ученых-правоведов монархического периода нет единообразного и целостного представления о личных интересах, интересах участников политических отношений, интересах механизмов государственной власти и правового регулирования, их отличиях. Тем не менее в научных исследованиях рассматриваемого исторического этапа присутствует анализ опыта оптимизации структурных элементов механизмов государственной власти и правового регулирования [1–6].

Марксистская доктринальная концепция механизмов государственной власти и правового регулирования, интересов субъектов конституционного права и интересов конституционно-правового регулирования в основе своей являясь реалистичной теорией социальной справедливости, оппозиционной и критикующей либерализм, также не предпринимала попыток системного дефинитивного описания рассматриваемых категорий. Тем не менее марксистская доктрина обладает признаками научности и представляет собой попытку изменить представления о социальных ценностях, личностных и политических интересах, включая в их разряд государство, государственную власть и позитивное право как категории объективной действительности, которые пусть базово и зависят от общественно-экономической формации, но вместе с тем производны от воли и сознания людей. Применительно к классовой теории следует особо отметить, что марксистско-ленинская доктрина в своей основе должна рассматриваться как антиэтатистская доктрина [7–11].

С точки зрения влияния на отечественную гуманитарную науку марксистское научное мировоззрение конкурировало с другими типами миропонимания, но сумело стать главной, ведущей идеологической силой в течение значительного этапа отечественной истории. Оно и по сей день во многом определяет специфику социологического, политического и юридическо-

го дискурса современной гуманитарной науки. Марксизм, исторический материализм и материалистическая диалектика оказывали и оказывают серьезное влияние на различные контексты научного поиска, а вслед за ними — на различные стороны социальной жизни [12–14].

Советская научная мысль накопила огромный фактический материал о формировании интересов субъектов конституционного права и интересов конституционно-правового регулирования, построении механизма государственной власти, но была жестко построена на ленинских положениях о «сломе» буржуазной государственной машины, о создании «рабочего» государства в виде «республики Советов» [15–17].

Текущее состояние интересов субъектов конституционного права и интересов конституционно-правового регулирования. Очевидно, что применительно к оценке текущего состояния присутствия политических и правовых интересов в механизмах государственной власти, помимо исторического, аксиологического и эстологического методологического инструментария, должны быть использованы формально-юридический и кибернетический методы.

Вместе с тем, прежде чем приступить к использованию и обработке эмпирического материала, полагаем необходимым обозначить еще одну исследовательскую задачу.

Поскольку в настоящей публикации речь идет об интересах в конституционном праве Российской Федерации и интересах конституционно-правового регулирования, то необходимо заявить о юридикно-техническом диссонансе формирования дефинитивного описания любых юридических конструкций вообще, и особенно таких сложных, но тем не менее юридически значимых конструкций, как интерес и правовое регулирование, в частности. Речь идет о проблемах языка и языка права.

Можно предположить, что каждый человек, обладающий интересами, скорее всего испытывает затруднения с тем, чтобы не только сформулировать признаки, составляющие понятие «интерес», но и формализовать и объективно объяснить содержание собственных, индивидуальных, личных интересов, их количество, конфигурации, иерархию.

Поэтому внимательному читателю может показаться, что авторы произвольно оперируют и иногда подменяют понятия интересов как субъектов права, так и интересов правового регулирования другими категориями, такими как

цели и задачи правового регулирования, принципы в праве и т.п.

Однако это не так. Авторы отдают себе отчет в том, что с точки зрения нормативистского подхода к юридической технике, категории интересов, целей, задач, программ, принципов должны отличаться.

Вместе с тем в отличающихся, но тем не менее смежных юридических категориях авторы видят попытки, как раз усложняемые пониманием юридической техники в формально юридическом стиле, проявить признаки как интересов субъектов права (победивших в борьбе за обладание инструментами государственной власти и правового регулирования политических сил), так и интересов, присущих механизмам государственной власти и правового регулирования, во многом имманентным признакам государства (как в широком, так и в узком смысле) и позитивного права (в котором субъективные права и юридические обязанности во многом являются результатом расклада политических сил).

Абсолютно ни у кого не вызывает сомнения тезис о том, что Конституция РФ¹ является ядром российской национальной системы права, фундаментом системы правового регулирования, в соответствии с которой складывается, модернизируется и, по нашему мнению, достаточно успешно и прогрессивно развивается юридическая деятельность (юридическая практика). В этой связи основной акцент проводимого эстологического исследования сделан на анализе текста Конституции РФ.

В тексте структурообразующего национальную правовую систему источника права Российской Федерации термин «интерес» в его русскоязычной этимологии буквально не определяется, но может быть представлен как совокупность определенных качеств или свойств, сопоставимых с качествами или свойствами субъективного права либо с актами реализации естественных прав, и в целом представлять собой проявление естественного права. Тем самым можно говорить о категории интересов во множественном числе.

Субъекты, причастные к созданию текста действующей Конституции РФ, отразили в ее тексте факт признания интересов участников

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 04 июля.

общественных отношений и зафиксировали интересы в качестве объекта правовой охраны.

Анализ текста Конституции РФ позволяет выявить перечень, состоящий более чем из полусотни субъектов, обладающих интересами.

Преамбула Конституции РФ, по нашему мнению, содержит такие интересы акторов политических отношений, одновременно рассматриваемых нами как субъекты конституционного права, как гражданский мир и согласие, исторически сложившееся государственное единство, равноправие и самоопределение народов, память предков, любовь и уважение к Отечеству, добро и справедливость, суверенная государственность России, благополучие и процветание России, ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями, осознание себя как части мирового сообщества.

Согласно Конституции РФ можно определить перечень носителей интересов, к числу которых относятся: многонациональный народ Российской Федерации; человек; гражданин Российской Федерации; иностранные граждане и лица без гражданства; государствообразующий народ; многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации; другие государства, международные организации, их органы; межгосударственные объединения; население; семья; инвалиды; дети; родители; малоимущие; Российская Федерация — Россия (государство); Союз ССР, чьим преемником является Россия; республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа — равноправные субъекты Российской Федерации; органы законодательной, исполнительной и судебной власти; Президент Российской Федерации; Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума); Правительство Российской Федерации; суды Российской Федерации; образуемые в субъектах Российской Федерации органы государственной власти; местное самоуправление, муниципальные образования, органы местного самоуправления; должностные лица; государственные и муниципальные образовательные учреждения; предприятия; Центральный банк Российской Федерации; Конституционное Собрание; общественные объединения; Бог (статья 67.1 Конституции РФ); религиозные объединения; профессиональные союзы; прокуратура.

При первичном поверхностном прочтении Конституции РФ может показаться, что интересы связаны только с субъективными правами

и обретают статус законных интересов личности. Однако это не совсем так.

Перечень элементов механизма правового регулирования и свойства интересов правового регулирования связан с признаками позитивного права и правового регулирования в позитивном смысле. Данные признаки находят свое проявление в тексте Конституции РФ и других источниках права, актах толкования и реализации права.

Например, статья 15 Конституции РФ фиксирует такой интерес правового регулирования, при котором Конституция РФ определяет структуру системы права, иерархию источников права, взаимодействие элементов механизма правового регулирования, тем самым констатируя интересы механизма правового регулирования.

Так, в части 1 статьи 15 отмечается, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны противоречить Конституции РФ.

В свою очередь, часть 2 статьи 15 Конституции РФ обеспечивает интерес правового регулирования, который связан с общеобязательностью правовых предписаний и предполагает, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

Последовательно в части 3 статьи 15 Конституции РФ обеспечивается интерес правового регулирования, связанный с одной из потребностей в формальной определенности правовых предписаний, при которой законы подлежат официальному опубликованию, а неопубликованные законы не применяются, и любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Далее в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации обеспечивается интерес правового регулирования, связанный с интеграцией российской правовой системы в систему международного права.

Интересы постоянства, непрерывности действия и иерархии правовых предписаний зафиксированы в частях 1 и 2 статьи 16 Конституции РФ. Они предполагают, что основы конституционного строя Российской Федерации не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией РФ, и никакие другие положения Основного Закона не мо-

гут противоречить основам конституционного строя России.

В статье 18 Конституции РФ устанавливаются стратегические ориентиры направленности правового регулирования и утверждается, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В статьях 19, 46–52, 54, 55, 64 Конституции РФ определяются основные ценностные идеи, начала, детерминирующие тенденции развития правового регулирования и функционирования механизма государственной власти.

Третья глава Конституции РФ, в частности часть 1 статьи 76, регламентирует интерес правового регулирования, связанный с распространением действия правовых предписаний в пространстве. В данной главе осуществляется фиксация принципов взаимодействия источников права, характерных для федерального способа территориальной организации публичной власти, согласно которой по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории России.

Равнозначно в частях 2 и 3 статьи 76 Конституции РФ регламентируется интерес правового регулирования, связанный с распространением действия правовых предписаний в пространстве, осуществляется фиксация принципов взаимодействия источников права разных уровней.

Последовательно в частях 5 и 6 статьи 76 Конституции РФ продолжается конструирование элементов механизма правового регулирования и лоббирование его интересов посредством утверждения о том, что вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

Статья 133 Конституции РФ регламентирует интерес правового регулирования, связанный с распространением действия правовых предписаний в пространстве, здесь осуществляется фиксация принципов взаимодействия источников права, характерных для публичной власти, в структуру которой включается муниципальный

уровень правового регулирования, и утверждается, что местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций, а также запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией РФ и федеральными законами.

Главы 4–8 Конституции РФ применительно к обозначенной теме определяют перечень субъектов правового регулирования, равнозначный перечню основных функциональных элементов механизма государственной власти, обеспечивающий интересы эволюции самого правового регулирования.

Глава 9 Конституции РФ применительно к обозначенной теме предполагает обеспечение интересов постоянства и непрерывности правового регулирования, устанавливая способы внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции России. Такое же значение для обеспечения интересов правового регулирования, по нашему мнению, имеет раздел второй Конституции РФ, содержащий заключительные и переходные положения.

На протяжении 30 лет действия Конституции РФ провозглашенные в ней взаимосвязи конституционных ценностей и антиценностей оказали существенное, фундаментальное влияние на формирование национального российского механизма правового регулирования и механизма государственной власти.

Конституция Российской Федерации – это источник права, элемент механизма правового регулирования, в содержании которого сосредоточены интересы как участников общественных отношений, так и интересы самого механизма правового регулирования.

Вместе с тем, по нашему мнению, в науке российского конституционного права сложился дефицит исследований действующей Конституции РФ в контексте комплексного понимания системной конфигурации элементов механизмов правового регулирования и государственной власти, особенностей результатов их взаимодействия, позволяющих рассматривать и определять закономерности формирования интересов участников глобальных политических процессов, интересов субъектов позитивного конституционного права и интересов самого позитивного права.

Непосредственно понятие «механизм» в Конституции РФ не фигурирует.

Понятие «правовое регулирование» в тексте Конституции РФ встречается дважды (пункт «о» статьи 71 и часть 4 статьи 76).

Словосочетание «государственная власть» находит свое выражение в тексте Конституции РФ 59 раз. Системное исследование использования рассматриваемой терминологии не проводилось.

Одновременно в Конституции РФ присутствует словосочетание «публичная власть», которое в тексте используется семь раз: часть 1 статьи 67, пункт «г» статьи 71, часть 2 статьи 80, пункт «е» статьи 83, часть 3 статьи 131, часть 3 статьи 132, статья 133.

Напрямую термин «интересы» в Конституции РФ фигурирует пять раз (часть 1 статьи 36, часть 3 статьи 55, часть 3 статьи 69, пункт «ж» статьи 83, часть 3 статьи 132).

В первых трех случаях (часть 1 статьи 36, часть 3 статьи 55, часть 3 статьи 69) речь идет об интересах субъектов права, а в двух других — о национальных интересах (пункт «ж» статьи 83) и интересах населения, проживающего на соответствующей территории (часть 3 статьи 132).

Одновременно с Конституцией РФ система современного отечественного конституционного права представлена широким перечнем правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней, фиксирующих интересы в конституционном праве России и интересы конституционно-правового регулирования. В ходе проведенного исследования наличие категории «интересы» выявлено в актах всех обозначенных уровней нормотворческой деятельности, источниках договорного характера, а также актах толкования, реализации и применения права. Ввиду большого массива таких правовых актов и одновременно ограниченности объема статьи полагаем целесообразным остановиться только на наиболее показательных из них, с точки зрения иллюстрации целей исследования.

Только одних актов федерального законодательного уровня по состоянию на начало 2024 года принято и действует 10 079, из них 159 — федеральных конституционных законов². Очевидно, что значительная часть из них не имеют самостоятельного предмета правового регулирования, а вносят изменения в уже действующие законодательные акты. Кроме того, не все акты законодательного уровня направлены на регулирование конституционно-правовых

отношений³. Однако «содержательные законы», ориентированные на регулирование таких отношений, как правило, обнаруживают в своем тексте указание на субъекты, в чьих интересах эти правовые акты приняты. Например, в Федеральном конституционном законе «О военном положении»⁴ присутствуют ссылки на интересы обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации (статьи 14 и 17), в Федеральном конституционном законе «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа»⁵ есть ссылки на интересы коренных малочисленных народов и народов (статья 14).

В региональном законодательстве и правовых актах местного уровня об интересах правового регулирования в основном речь идет в документах учредительного характера. Во многом данное обстоятельство, на наш взгляд, обусловлено схожестью актов учредительного характера всех уровней. С.А. Авакьян, выделяя ряд общих факторов, характерных для учредительных нормативных актов различных видов (Конституция РФ, конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований), среди прочих в том числе указывает на такой фактор, как *воля и усмотрение органов и лиц, занимавшихся подготовкой проекта документа учредительного характера* (выделено нами. — А. Ю., Е. И.) [18, с. 21].

Одновременно с этим, как показал проведенный анализ регионального законодательства, законодателем в настоящее время не выработано единого подхода к закреплению категории «интересы» в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации. Какой-либо закономерности нормативного закрепления указанной категории в зависимости от видовой и статусной принадлежности субъекта Российской Федерации не обнаруживается. В подтверждение указанного тезиса в качестве примера остановимся

³ В контексте настоящего исследования речь идет о федеральных конституционных законах и федеральных законах, направленных на регулирование конституционно-правовых отношений.

⁴ О военном положении : федер. конституц. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁵ Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа : федер. конституц. закон от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. Ст. 3745.

² По данным официальных информационных правовых систем Российской Федерации (на 30 января 2024 г.).

на актах учредительного характера Иркутской области (как представителя группы субъектов Федерации, образованных по территориальному признаку), Республики Бурятия (субъекту, образованному по национальному признаку) и города федерального значения Москвы.

В Уставе Иркутской области⁶ исследуемая категория упоминается 23 раза. Среди субъектов, в интересах которых осуществляется правовое регулирование, указаны: население Иркутской области (абзац десятый преамбулы, часть 1 статьи 5, часть 1 статьи 60); будущие поколения жителей Иркутской области (абзац десятый преамбулы); население Иркутской области, проживающее на ее отдельных территориях (часть 2(1) статьи 5, статья 82); граждане (части 1 и 3 статьи 7, часть 1 статьи 76 (при этом в качестве отдельных категорий граждан, чьи интересы находятся под особой защитой, указаны дети (пункт 4 части 2 статьи 53, часть 1 статьи 77 (1) и субъекты предпринимательской деятельности (пункт 5 части 2 статьи 53, часть 1 статьи 77 (3); общественные объединения (часть 2 статьи 7), профессиональные и социальные группы, осуществляющие деятельность на территории Иркутской области (часть 3 статьи 7), некоммерческие организации (часть 3 статьи 7); коренные малочисленные народы (пункт 8 части 2 статьи 11, статья 42); Иркутская область (часть 1 статьи 86); муниципальные образования, расположенные на территории Иркутской области (пункт 1 статьи 86), группы таких муниципальных образований (пункт 3 части 1 статьи 89).

Конституция Республики Бурятия⁷ категорию «интересы» включает в свое содержание пять раз, один из которых выступает дублированием положений Конституции РФ о свободе объединений, профессиональных союзов для защиты своих интересов (статья 28) и не может учитываться в целях настоящего исследования. В оставшихся четырех случаях речь идет об интересах многонационального народа Республики Бурятия (часть 1 статьи 60), Республики Бурятия (абзац третий статьи 73), населения Республики Бурятия (часть 3 статьи 105), других лиц (часть 2 статьи 34).

⁶ Устав Иркутской области : принят постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 15 апр. 2009 г. № 9/5-ЗС // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2009. № 9.

⁷ Конституция Республики Бурятия : принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февр. 1994 г. // Бурятия. 1994. 09 марта.

В Уставе города Москвы ссылки на исследуемую категорию приводятся девять раз и используются при упоминании интересов жителей города Москвы (преамбула, пункт 8 части 2 статьи 73), населения (часть 1 статьи 7, часть 1 статьи 49), юридических лиц (статья 68), других лиц (часть 1 статьи 25), межрегионального сотрудничества (статья 68), города Москвы (пункт 8 части 1 статьи 78), общегородских интересов (часть 2 статьи 79)⁸.

Уставы муниципальных образований и иные акты муниципального уровня в систему источников конституционного права должны включаться не только по причине регулирования ими института местного самоуправления [19, с. 11; 20, с. 13], но и наличия в их содержании значительного количества норм, подробно регулирующих процедуры проведения местных выборов и референдумов и иных форм непосредственной демократии. По указанной причине, осознавая, что муниципальные правовые акты не отнесены к системе конституционного законодательства, авторы статьи все же усматривают необходимость привести примеры отражения категории «интерес» и в актах местного уровня.

В Уставе города Иркутска категория «интересы» упоминается всего восемь раз и в основном охватывает интересы населения (жителей) городского округа (часть 1 статьи 2, абзац второй части 6 статьи 35, абзац третий части 1 статьи 49), интересы населения соответствующей территории (абзац второй части 1 статьи 23), граждан (абзац третий части 3 статьи 27), города Иркутска (пункт 19 части 3 статьи 31, часть 1 статьи 75), органов государственной власти Иркутской области и органов местного самоуправления города Иркутска (часть 4 статьи 74).

Таким образом, чем ниже по юридической силе нормативный правовой акт, тем, как правило, «ограниченнее» становится в нем категория интересов акторов и конституционно-правового регулирования.

Вместе с тем указанное утверждение является не совсем справедливым для актов договорного характера. Круг субъектов, в интересах которых подписывается нормативный договор, может быть в некоторых случаях очень широким даже при его заключении на муниципальном уровне. Учредительным договором Ассоциации «Совет муниципальных образований Курской

⁸ Устав города Москвы : закон г. Москвы от 28 июня 1995 г. // Ведомости Московской городской Думы. 2001. № 8. Ст. 130.

области»⁹ среди субъектов, в чьих интересах он заключен, указаны: интересы членов Совета (т.е. муниципалитетов, расположенных на территории Курской области) (пункт 3, абзац третий пункта 4.1, абзац шестой пункта 4.2, пункт 8.3), интересы населения (при этом интересы населения указываются как «привязкой к проживанию на территории определенного конкретного муниципального» (абзац второй пункта 4.2), так и «без такой привязки», как население Курской области в целом (абзац первый пункта 4.1), институт местного самоуправления в целом (абзац второй пункта 4.2).

Выводы

Проведенное эстолическое исследование перечисленных источников права, актов толкования и реализации права подтверждает, что юридическая характеристика интересов в конституционном праве Российской Федерации и интересов конституционно-правового регулирования, а также интересов механизма государственной власти первично находит свое выражение как в тексте основополагающего источника права современной Российской Федерации, так и в текстах других исследованных источников права, актов толкования, реализации и применения права.

Следует констатировать факт, что интересы субъектов права и интересы правового регулирования — категория, которая довольно широко употребляется в нормативных актах и других источниках права Российской Федерации, но никак не разъясняется. Данный факт отчетливо присутствует и прямо или косвенно подтверждается в различных научных исследованиях. Отсутствуют и пояснения высших судебных инстанций по этому вопросу. Более того, в правовой науке нет единого подхода к определению категории «законные интересы».

Таким образом, довольно развернутое применение конструкта интересов тем не менее не имеет его легального дефинитивного определения.

Вместе с тем необходимо констатировать отсутствие дефинитивного описания как категории интересов личности, понимаемых нами в значении категории естественного права, субъективных политических интересов акторов политических отношений, интересов субъектов

конституционного права, интересов правового регулирования как категории естественного сознательного либо естественного бессознательно-го, принципиальных различий между исследуемыми категориями.

В нашем понимании интересы правового регулирования отличаются от политических интересов, интересы субъектов конституционного права — от интересов личности. Каждая из исследуемых категорий обладает собственными сущностными характерными признаками, отличающими ее от других схожих категорий. Каждая из перечисленных исследуемых категорий, по нашему мнению, должна обрести свое юридико-техническое описание и занять свое надлежащее место в материи конституционного права.

Признаки интересов в механизмах правового регулирования и государственной власти в Российской Федерации соответствуют основным признакам позитивного права и признакам механизма государственной власти Российской Федерации.

Взаимосвязи конституционных ценностей и антиценностей, фиксируемые в материи конституционного права Российской Федерации друг с другом, позволяют рассматривать и определять интересы позитивного конституционного права, правовые особенности развития политической системы Российской Федерации, механизма государственной власти и объективные характерные признаки механизма и процесса правового регулирования. Признаки позитивного права детерминируют специфику правового регулирования и обуславливают особенности функционирования механизма государственной власти Российской Федерации. Субъекты и их интересы в конституционном праве Российской Федерации индивидуализируют специфику объективной правовой и управленческой действительности Российской Федерации, определяя ее уникальные очертания и проявления.

Полагаем необходимым привлечь внимание научной общественности к обсуждению и последующей нормативной дефиниции категории интересов для ее интеграции в правовые акты федерального уровня, уровня субъектов Российской Федерации, постановления Конституционного Суда Российской Федерации в целях обеспечения правового характера формирования и функционирования механизмов государственной власти и механизмов правового регулирования.

⁹ Учредительный договор Ассоциации «Совет муниципальных образований Курской области : утв. XII Съездом Совета МО Курской области 14 окт. 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс. Сводное региональное законодательство».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И.В. Ружицкая. — Москва : Институт Российской истории РАН, 2005. — 384 с. — EDN RCJNQR.
2. Рогов В.А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII вв.) / В.А. Рогов, В.В. Рогов. — Москва : Изд-во: МГИУ, 2006. — 268 с. — EDN QPCHFT.
3. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : учеб. пособие : в 2 т. (По изд. 1910—1912 гг.) / Г.Ф. Шершеневич. — Москва : Юрид. колледж МГУ, 1995. — Т. 2. — 362 с.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. — Москва : Юрайт, 2023. — 352 с.
5. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. — Москва : Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879. — 240 с.
6. Рождественский А.А. Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование / А.А. Рождественский. — Москва : Печ. А.И. Снегиревой, 1913. — Ч. 1. — 300 с.
7. Маркс К. Литературное наследство / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Мир, 1907. — Т. II. — 434 с.
8. Маркс К. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа» / К. Маркс // Избранные произведения : в 3 т. — Москва : Госполитиздат, 1986. — Т. 2. — С. 59—61.
9. Маркс К. Протоколы 6-го Рейнского Ландтага / К. Маркс // Сочинения. Изд. 2-е. — Москва : Госполитиздат, 1962. — Т. 28. — 814 с.
10. Федоров И.А. Становление системы категории научного коммунизма в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса (1843—1847 гг.) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.02 / И.А. Федоров. — Ленинград, 1984. — 211 с.
11. Леонов С.В. Создание советской государственности: теория и практика. 1917—1922 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / С.В. Леонов. — Москва, 1998. — 188 с.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. — Изд. 5-е. — Москва : Госполитиздат, 1974. — Т. 33. — 433 с.
13. Стучка П.И. Заметки о классовой теории права / П.И. Стучка // Советское право. — 1922. — № 3. — С. 3—18.
14. Чугаев Д. Первая Конституция Советского государства (1918 г.) / Д. Чугаев. — Москва : Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), 1949. — 176 с.
15. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. — Москва : Юридическая литература, 1966. — 188 с. — EDN SIFYFJ.
16. Шебанов А.Ф. Высшее юридическое образование — на уровень новых задач / А.Ф. Шебанов // Советское государство и право. — 1958. — № 11. — С. 27—36.
17. Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес / Н.С. Малеин // Советское государство и право. — 1980. — № 1. — С. 27—34.
18. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. — Москва : Сашко, 2000. — С. 16—21.
19. Конституционное право России : учеб. пособие / под общ. ред. С.Н. Ушакова. — Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2021. — 302 с.
20. Тропина Д.В. Конституционное право России : учеб. пособие / Д.В. Тропина. — Москва : ООО «Мегаполис», 2021. — 209 с. — EDN VZDOJC.

REFERENCES

1. Ruzhitskaya I.V. *Legislative activity during the reign of Emperor Nicholas I.* Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 384 p. EDN: RCJNQR.
2. Rogov V.A., Rogov V.V. *Old Russian legal terminology in relation to the theory of law (Essays of the 9th — mid-17th centuries).* Moscow, Moscow State Industrial University Publ., 2006. 268 p. EDN: QPCHFT.
3. Shershenevich G.F. *General theory of law. (According to ed. 1910—1912).* Moscow, Moscow State University College of Law Publ., 1995. Vol. 2. 362 p.
4. Korkunov N.M. *Lectures on General Legal Theory.* Moscow, Yurait Publ., 2023. 352 p.
5. Muromtsev S.A. *Definition and basic division of law.* Moscow, A.I. Mamontov i Ko Publ., 1879. 240 p.
6. Rozhdestvenskii A.A. *Subjective Public Rights Theory: A Critical-Systematic Study.* Moscow, A.I. Snegireva Publ., 1913. Pt. 1. 300 p.
7. Marks K., Ehngel's F. *Literary inheritance.* Moscow, Mir Publ., 1907. Vol. 2. 434 p.
8. Marks K. Critical notes on the article "The King of Prussia and Social Reform". In *Selected works.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1986. Vol. 2. pp. 59—61.
9. Marks K. Protocols of the 6th Rhine Landtag. In *Works.* 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. Vol. 28. 814 p.
10. Fedorov I.A. *The formation of the system of the category of scientific communism in the works of K. Marx and F. Engels (1843—1847).* Cand. Diss. Leningrad, 1984. 211 p.

11. Leonov S.V. *Creation of Soviet statehood: theory and practice. 1917–1922. Doct. Diss.* Moscow, 1998. 188 p.
12. Lenin V.I. *Complete Works*. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1974. Vol. 33. 433 p.
13. Stuchka P.I. Notes on class theory of law. *Sovetskoe pravo = Soviet law*, no. 3, pp. 3–18. (In Russian).
14. Chugaev D. *First Constitution of the Soviet State (1918)*. Moscow, Akademiya obshchestvennykh nauk pri TSK VKP(b) Publ., 1949. 176 p.
15. Alekseev S.S. *Mechanism of legal regulation in the socialist state*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 188 p. EDN: SIFYFJ.
16. Shebanov A.F. Higher legal education – to the level of new tasks. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1958, no. 11, pp. 27–36. (In Russian).
17. Malein N.S. Legally protected interest. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1980, no. 1, pp. 27–34. (In Russian).
18. Avak'yan S.A. *Constitution of Russia: nature, evolution, modernity*. Moscow, Sashko Publ., 2000. 16–21 p.
19. Ushakov S.N. *Constitutional law of Russia*. Vladimir, Vladimirovskii filial RANKhIGS Publ., 2021. 302 p.
20. Tropina D.V. *Constitutional law of Russia*. Moscow, ООО “Megapolis” Publ., 2021. 209 p. EDN: VZDOJC.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Владимирович Юрковский — кандидат юридических наук, доцент. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Елена Леонидовна Иванова — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Yurkovsky — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Head of the Department of State and Law Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1, Shevtsova st., Irkutsk, Russia, 664035.

Elena L. Ivanova — Ph.D. in Law, Ass. Professor of the Chair of State and Law Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1, Shevtsova st., Irkutsk, Russia, 664035.

Поступила в редакцию / Received 09.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 04.03.2024

Принята к публикации / Accepted 25.03.2024